

Сюй Имин пролежал на полу примерно три-четыре секунды, прежде чем пришел в себя от оцепенения. Его гладкие брови медленно сошлись на переносице: его только что пнули. За всю свою долгую жизнь он испытал такое впервые.

У Цзян Юя, лежавшего на кровати, внезапно задергались веки. Инстинктивно почувствовав опасность, он быстро откинул одеяло, вскочил с кровати и выбежал вон.

Сюй Имин, который уже собирался его прижать, замер:

— ...

Подняв с пола пакет с сухим молоком, Сюй Имин крикнул в сторону двери:

— Вернись и надень штаны!

Снаружи донесся голос Цзян Юя:

— Мне нравится проветриваться.

Сюй Имин потер виски. Что-то было не так. Определенно, где-то закралась ошибка. Разве первое утро их совместной жизни не должно было начаться с утреннего поцелуя, за которым последовало бы нежное объятие в романтической атмосфере?

В кино всегда всё так и происходило.

Зимним утром густой туман застилал всё вокруг. Цзян Юй, одетый в те же вещи, что и вчера, сидел за столом в ожидании еды. Подперев голову рукой, он наблюдал за хлопотавшей на кухне фигурой, мысленно поражаясь тому, что когда-нибудь и он сможет вести праздную жизнь трутня, ничего не делая.

При одной мысли о том, как не так давно Сюй Имин, вооружившись туалетной бумагой, сидел на корточках на полу и по крупицам вытирал просыпанное сухое молоко, готовый содрать с пола краску, у Цзян Юя слегка зачесался затылок. О том, что придется лакомиться молочной смесью, система ему абсолютно ничего не сказала, мысленно поинтересовался Цзян Юй.

— День. Это нормальная привычка.

И это по-прежнему считается нормальным? Цзян Юй в унынии откинулся на спинку дивана, почесывая черные носки на ногах. У него было дурное предчувствие: ему казалось, что следующие тома будут просто кошмарными.

Сюй Имин, вышедший из кухни с кружкой молока, нахмурился и критическим взглядом окинул юношу, который чесал ступню на диване:

— Ты это мне тут кислае мины корчишь?

— А в комнате, кроме тебя, есть кто-то еще? — зарывшись пальцами в волосы и зачесывая их

назад, Цзян Юй поднял лицо с полуулыбкой.

Этот мужчина был умен, маска была разоблачена еще давным-давно, так что он просто решил вести себя непринужденно.

В глазах Сюй Имина постепенно сгустился мрачный взгляд. Юноша перед ним совсем не походил на ребенка, который намного младше его: слишком зрелый, без каких-либо барьеров в общении, скорее напоминающий ровесника, с острой манерой речи и необузданными манерами. Самим собой разумеющимся образом он вдруг подумал о еже.

— Есть только хлеб и молоко. Цзян Юй, в мыслях которого уже пронеслись и пшенная каша, и соленые утиные яйца, и сушеный дайкон, едва заметно дернул щекой:

— Так ты всё это время возился на кухне?

Сюй Имин поднял стакан, с расслабленным выражением лица:

— Мыл стакан.

Мыть два стакана почти целый час — да уж, обычным людям такое не под силу.

Ешь хлеб, Сюй Имин завел разговор:

— В твоём возрасте тебе следовало бы учиться в школе.

Цзян Юй уставился на капли молока у Сюй Имина на губах и увидел, как тот высунул язык и слизал их.

— Сюй Имин, тебе кто-нибудь говорил, что у тебя невероятно длинный язык?

Сюй Имин, который в этот момент пил молоко, чуть не поперхнулся.

— А до кончика носа можешь дотянуться? — Цзян Юй усмехнулся, в его голосе проскользнула легкая провокация.

На виске у Сюй Имина вздулась жилка:

— ...Не могу.

— Тогда я дотянусь.

Цзян Юй сделал глоток молока, оперся руками о стол, подался вперед и лизнул его в самый кончик носа.

На лице Сюй Имина на мгновение застыло изумление, но затем он с невозмутимым видом снова опустил взгляд на хлеб.

Вытерев рот салфеткой, Цзян Юй поднялся:

— Подбрось меня до книжного.

Он смаковал слово книжный несколько секунд, крутя его на языке: неужели он забыл что-то выглядевшее очень важным?

Динь, вы забыли о побочном задании первого тома: книжный бдсм, пять раз.

Уголки рта Цзян Юя, только что взметнувшиеся вверх, мгновенно застыли — какая преданность работе.

— Там Сяо Сюэ, — Сюй Имин надел пальто. Его профессия не требовала общения с внешним миром, график был свободным, и в такую погоду раньше он почти никогда не выходил из дома.

Цзян Юй переобулся:

— Во второй половине дня у меня отгул.

— Мне нужно работать дома, — Сюй Имин нахмурился. — Поедешь на такси.

Ответом ему стал звук захлопнутой Цзян Юем двери.

Сюй Имин застегнул последнюю пуговицу пальто, достал телефон и длинными пальцами изменил в контактах подпись номера Цзян Юя на Еж.

Выйдя за дверь, он увидел юношу, который стоял на пороге с руками в карманах, слегка приподняв подбородок и глядя прямо на него. Холодный ветер растрепал черные волосы, а его вечно лукавые глаза сузились в узкие щеки, сквозь которые едва уловимо проступал свирепый блеск.

подавив странное чувство, Сюй Имин спокойно запер дверь и отправился за машиной. Проходя мимо Цзян Юя, он протянул руку и рывком притянул его к себе в объятия. Во второй половине дня Цзян Юй отпросился у лысеющего мужчины, а выйдя наружу, сразу увидел припаркованную напротив машину. Он открыл дверцу и забрался внутрь: В книжный завезли партию новых книг.

Сидевший за рулем Сюй Имин крутил руль, ожидая продолжения.

В другой день сходим к книжным полкам, устроим там парадигму развлечений, как тебе? — Цзян Юй подался вперед и легонько дунул ему на ухо. — Можешь прихватить с собой свое сухое молоко.

В голове Сюй Имина тут же возник образ юноши, широко раскинувшего ноги под книжными полками, чье тело сплошь усыпано сухим молоком. У него пересохло в горле, а внизу живота разлился жар.

С малого нового года и до двадцать девятого числа дежурить буду только я. — Цзян Юй прикрыл глаза, подсчитав, что как раз выходит пять дней.

Сюй Имин постучал пальцами по рулю: Какую марку детской смеси ты предпочитаешь?

Да без разницы. Молоко-то тебе есть, вкус выбирай сам. — Цзян Юй сполз ниже, полулежа в кожаном кресле, и выглядел слегка уставшим.

Всю дорогу они болтали о детском питании: в основном говорил Сюй Имин, а Цзян Юй слушал.

Проблема с запором — дело вроде и не сказать чтобы серьезное, просто сходить в туалет не получается, но и не пустяковое — влияет на повседневную и интимную жизнь. Цзян Юй заехал в больницу за лекарствами, после чего Сюй Имин повел его в торговый центр покупать одежду.

Сюй Имин, с виду сущий благовоспитанный цзюньцзы, неизменно приковывал к себе взгляды противоположного пола. Цзян Юй выбрал себе трусы с неправильным, асимметричным узором по бокам, и Сюй Имин неотрывно на них смотрел.

Не бери эти.

Продавщица тут же принялась с энтузиазмом предлагать товар: Господин, у нас есть еще масса отличных моделей.

Именно эти. — Цзян Юй забрал их и пошел на кассу.

Он не любил, когда кто-то оспаривал его мнение, и Сюй Имин тоже — в этом они были очень похожи.

Упрямство Цзян Юя привело к тому, что вечером, когда они лежали в постели, Сюй Имин уселся, поджав ноги, и уставился на него таким взглядом, словно взвешивал свинью на рынке, прикидывая ее стоимость.

Снимай трусы.

Цзян Юй отпихнул его, но Сюй Имин протянул руку, с силой содрал белье и швырнул его прочь, после чего насильно натянул на него другие — с симметричным узором. Так выглядело намного приятнее.

Пропотевший насквозь Цзян Юй растирал покрасневшие от недавнего сопротивления ноги. Достав телефон, он зашел в поисковик и, погуглив знак Девы, понял, что Сюй Имин — настоящее убожество среди Дев.

Сюй Имин подобрал с пола валявшиеся трусы и, опасаясь, что Цзян Юй снова их наденет, попросту засунул их на самый д□к мусорной корзины. Вернувшись в мастерскую, он откинул холст: картина на подрамнике выглядела точно так же, как и несколько месяцев назад, а недостающий фрагмент приходился как раз на область между ног юноши.

Сюй Имин устроился на стуле, мысленно воссоздавая мельчайшие детали полотна. Взяв кисть, он замер над пространством между ног юноши на картине, но так и не смог опустить ее. Поднявшись с места, он большими шагами вернулся в спальню, приблизился к Цзян Юю и, приложив пальцы, прикинул длину, оценивая оттенок кожи.

Ты всегда так серьезно относишься к рисованию? — сонный голос Цзян Юя нарушил тишину.

Сюй Имин согнул указательный палец и легко щелкнул его по лбу: Рвнешь?

И в мыслях не было. — Цзян Юй чуть не подскочил от щелчка и помрачнел. — Я тебя хвалю, неужто не слышно?

Сюй Имин ухватил Цзян Юя за ухо, наказывая непослушного ребенка.

Приближался малый новый год, и работа над картиной Сюй Имина подходила к концу. Он вовсе не собирался выставлять это полотно на январской выставке — даже если бы пририсовал внизу просторную синюю рубашку.

На девятнадцатый день после того, как они съехались, между ними вспыхнула ссора. Все из-за того, какую именно позу выбрать для бурной страсти, — в процессе они сбились с ритма, и

Цзян Юй угодил ногой прямо в мошонку Сюй Имина. В гневе выбежал из квартиры именно Сюй Имин.

Накинув черное пальто Сюй Имина, Цзян Юй спустился вниз и обвел взглядом темный холл: Сюй Имин? — прозвучало жалобно, словно звал маленькую собачонку.

Потушив окурок, Сюй Имин вышел из угла. Застыв у лестничной клетки, он поднял голову и уставился на Цзян Юя с каким-то жалким видом.

Я вообще голый. — Цзян Юй нахмурился, строго бросив: Возвращайся.

Сюй Имин не шелохнулся. Его высокая фигура стояла вытянувшись в струнку, тонкие губы сжались в ниточку — ну вылитый ребенок, который дуется и в то же время тайком ждет внимания.

В свете лестничной лампы двое мужчин, давным-давно решивших попробовать жить вместе, молча смотрели друг на друга. Стоял разгар зимы: один в распахнутом до колен пальто, а под ним — ни единой нитки, второй — в одних в обтяжку боксерах, и обоих пробирал холодок.

Цзян Юй неторопливо вытащил руку из кармана пальто.

В глазах Сюй Имина мелькнула искра: он решил, что тот хочет взять его за руку, но рука лишь замерла на полпути и вновь медленно опустилась в карман.

<http://bllate.org/book/25413/3029636>